

Всего за один день эта троица превратилась в сумасшедших фанатов. Они без конца гоняли записи по кругу, ловя каждый звук, и увлечённо пытались подыгрывать группе «Битлз».

В душе Джеймса разгорелся нешуточный пожар.

Музыка обладает непостижимой, великой силой. Она не делает ничего напоказ, лишь роняет крошечную искру в человеческое сердце, но из неё мгновенно раздувается всепожирающее пламя, способное в секунду превратить упрямого скептика в одержимого безумца. Именно это и случилось с Джеймсом.

Возвращаясь от Болдуина Барлоу, он едва сдерживал порыв пуститься в пляс прямо посреди улицы. В голове навязчивым, но сладостным эхом крутились гитарные пассажи, которые так виртуозно выводил Ланс.

Стоило переступить порог и убедиться, что дома никого нет, как он дал себе волю. Джеймс носился по пустой гостиной, вовсю голоса и яростно изображая игру на невидимой гитаре. Он настолько увлёкся своим воображаемым концертом, что напрочь пропустил скрежет ключа в замочной скважине.

— Ты какого чёрта творишь?

У порога стоял Линд Лемон. Он со смесью глубокого недоумения и жалости созерцал своего придурковатого братца.

Джеймс, который в этот момент как раз завис в воздухе с разинутым ртом и растопыренными руками, пытаясь изобразить прыжок рок-звезды, неловко приземлился и застыл.

— Тебе... тебе показалось, — выдавил он.

Медленно опустив руки, он выпрямился и попытался напустить на себя максимально независимый вид. Пожалуй, это позорное фиаско он забудет ещё очень не скоро.

Впрочем, даже жгучий стыд не мог погасить вспыхнувшую страсть к музыке. Сейчас Джеймс напоминал ребёнка, дорвавшегося до долгожданной игрушки. И пускай эта одержимость могла остыть через пару дней, сейчас его буквально распирало от восторга и нетерпения. Разумеется, близкие люди — Старый Джон и Линд — мгновенно почуяли неладное.

— Тебе что, улыбнулась удача, Джимми? — за ужином Старый Джон бросил на сына пыливый взгляд, стараясь говорить как можно небрежнее.

— Можно и так сказать, — честно признался Джеймс.

Линд прихлебнул пива из кружки и с заговорщицкой усмешкой прищурился:

— И как она? Красотка, да? Та, которую ты встретил?

— Что? — Джеймс не сразу сообразил, к чему клонит брат.

Однако перед мысленным взором тут же возникло невероятно красивое, пускай и обманчивое лицо Ланса. Даже будучи парнем, Джеймс не мог не признать очевидного. Он невольно кивнул:

— Ну... да, очень красивый.

— Так я и знал! — расплылся в довольной ухмылке Линд.

Он переглянулся со Старым Джоном, обменявшись с отцом тем самым понимающим мужским взглядом:

— Наш малыш Джимми наконец-то вырос!

Только тут до Джеймса дошло, в какие дебри унесло фантазию этих двоих.

— Да нет же, всё совсем не так!.. — поспешил он объясниться.

Но Линд уже вовсю колотил вилкой по тарелке, поднимая невообразимый шум и дразнясь дурацкими выкриками про то, что их Джиммигёрл покраснела и засмушалась.

И за какие грехи господь посылает людям старших братьев?

Джеймс готов был сквозь землю провалиться от злости. Но поскольку рассказывать про группу пока было нельзя, ему оставалось лишь насупиться и молча терпеть издевательства. Пусть думают что хотят.

Не дождавшись отпора, Линд вскоре уgomонился. Он легко сменил тему и принялся обсуждать с отцом политические новости, плавно перейдя к излюбленному семейному занятию — полосканию костей консерваторам.

В те годы у руля в Британии стояла Консервативная партия. Их правительство усердно урезало государственные расходы, безжалостно лишая простых людей привычных социальных благ. И пускай в долгосрочной перспективе это сэкономило казне миллионы фунтов и сулило оздоровление экономики, урезанным в правах гражданам до этих высоких материй не было никакого дела. Они были в ярости.

Взять хотя бы ту дикую выходку «Железной леди» Маргарет Тэтчер, когда она лишила школьников младших классов бесплатного молока. Да, эта мера сэкономила бюджету почти восемь миллионов фунтов в год, но разгневанная общественность — включая Старого Джона — за это окрестила её не иначе как «похитительницей молока» и врагом народа номер один.

Настоящее безумие! Лишить детей молока ради экономии? Такое спускать на тормозах нельзя. За это Консервативную партию следовало крыть последними словами при каждом удобном случае, просто ради очистки совести.

И пока Джеймс мирно жевал свой сэндвич, его отец и брат — убежденные сторонники Лейбористской партии — с пеной у рта костили Консервативную партию. В воздухе так и летали сочные «fuck», а беседа напоминала поле боя. Джеймс лишь посмеивался про себя, витая мыслями далеко от политики. Все его думы занимали великолепные, берущие за душу мотивы группы «Битлз».

Господи, как же они пели! До мурашек, до замиранья сердца.

Этой ночью он так и не смог нормально уснуть. В его снах кружились, переплетаясь в безумном танце, весёлые, живые ноты, летящие откуда-то из глубин вселенной...

Невидимый мускулистый ангел безмолвно стоял у изголовья кровати. Он заботливо расправил свои огромные крылья, заслоняя спящего парня от навязчивого, слишком яркого лунного света. Ангел созерцал безмятежное лицо Джеймса и тихонько заглядывал в его сказочные, полные музыки сны. Всё только начиналось, и этот незримый хранитель был искренне рад такому началу.

Возможно, теория о врождённом таланте — чистая правда. До сих пор Джеймс вечно куда-то спешил, крутился как белка в колесе и жил на автомате, никогда не испытывая к чему-либо столь сильной, граничащей с безумием тяги, как теперь к музыке.

Но стоило этой неведомой силе ворваться в его жизнь и разогнать туман обыденности, как он наконец-то обрёл себя. Музыка и Джеймс притянулись друг к другу словно противоположные полюса магнита — их встреча была предрешена судьбой, и искры от этого столкновения обещали перерасти в настоящий взрыв.

На следующее утро Джеймс, бодрый и весёлый, как щенок на прогулке, уже трезвонил в дверь дома Болдуина. Ему не терпелось продемонстрировать новоиспечённым коллегам свое рвение и готовность свернуть горы.

Вот только Ланс Уинфилд, который остался здесь ночевать и без зазрения совести оккупировал единственную кровать, энтузиазма не оценил. Он лишь высунул из-под одеяла руку с оттопыренным средним пальцем и хрипло буркнул:

— Отвали.

Ютившийся всю ночь на жестком полу хозяин дома, Болдуин Барлоу, поспешил сгладить углы:

— Ты не обижайся. У Ланса по утрам жутко падает давление. В это время он... скажем так, не признает ни бога, ни чёрта.

Джеймсу ничего не оставалось, кроме как покорно примоститься на полу в гостиной. Скрашивая ожидание, он лениво перекидывался редкими фразами с Болдуином. Однако они были едва знакомы, да и познаниями в музыке Джеймс пока блеснуть не мог, так что разговор быстро сошёл на нет.

Болдуин ушёл на крыльцо покурить, великодушно разрешив гостю чувствовать себя как дома. Джеймс от скуки принялся ворошить валявшуюся на полу стопку журналов. Там обнаружились дешёвенькие сплетни о звёздах и парочка номеров «Плейбоя», но даже полуобнажённые красотки не вызвали у него интереса.

Прошёл добрый час, прежде чем из спальни, наконец, выползло заспанное чудо с растрёпанным вихром на макушке. Но на этом мучения Джеймса не закончились: этот невыносимый тип заперся в ванной и застрял там ещё на час, приводя себя в порядок.

К моменту, когда сияющий и безупречно одетый Ланс соизволил явить себя миру, весь утренний запал Джеймса практически сошёл на нет.

— Ты что там, чёрт возьми, делал целый час? Любовался собой перед зеркалом?

— Именно, — ни капли не смутившись, парировал Ланс. — Такого красавца, как я, много не бывает. На себя можно смотреть вечно.

—...

В эту секунду хрупкие ростки симпатии, пробившиеся после вчерашней удачной репетиции, завяли окончательно.

«И как мне вчера вообще могло показаться, — Джеймс вздохнул про себя, — что этот самовлюбленный наглец — нормальный парень?»

Впрочем, затевать ссору не хотелось. А уж ругаться с тем, кто платит тебе жалованье, и вовсе было верхом глупости.

Ланс, судя по всему, тоже был не в духе. Он смерил Джеймса оценивающим, запределно скептическим взглядом. Скрестив руки на груди в своей излюбленной надменной манере, он ядовито ухмыльнулся:

— Что, Лемон, есть какие-то претензии?

Будь Джеймс на десять лет моложе, он бы непременно вцепился этому наглецу в лицо. Но колоссальный опыт офисного рабства приучил его держать себя в руках.

— Никаких претензий, — спокойно ответил он. — Какие планы на сегодня?

Ланс удивлённо вскинул брови. Такая невозмутимость явно застала его врасплох и заставила подозрительно прищуриться.

К счастью, в этот момент с улицы вернулся надышавшийся табачным дымом Болдуин. Уловив последнюю фразу Джеймса, он деловито вмешался:

— Для начала нужно определиться с названием группы. Ну и решить, кого мы подбираем в состав.

Намечавшаяся дуэль взглядов между вокалистом и гитаристом была благополучно сорвана. Напряжение в гостиной спало, и троица переключилась на насущные вопросы. Название и состав — вещи действительно фундаментальные. Имя группы — это её лицо, бренд. Да и играть втроём полноценный рок-н-ролл едва ли получится.

Впрочем, с названием они разобрались на удивление быстро. Вернее, Ланс просто упёрся рогом и безапелляционно заявил, что группа будет называться группой «Планета». Джеймс этого выбора искренне не понимал: планеты ведь сами по себе не светятся, они лишь покорно кружат вокруг раскалённых звёзд. С какой стати называть рок-коллектив в честь тёмного космического булыжника? Уж лучше тогда назваться «Звездой».

Но избалованный мажор Уинфилд оказался на редкость упрямым и капризным. Переспорить его было невозможно — он закатывал глаза, язвил и стоял на своём до победного конца. Связываться с ним никому не хотелось, так что на «Планете» и сошлись.

Настала очередь кастинга. Болдуин резонно рассудил, что для полноценной ритм-секции им позарез нужен бас-гитарист, и тут же предложил кандидатуру одного своего приятеля.

— У него мировая мама, обеими руками за рок-музыку, — аргументировал Болдуин. — А главное, у них во дворе пустует просторный старый гараж... Ну, вы понимаете, к чему я клоню? Два в одном. Отличный шанс сэкономить на аренде.

План был надёжен. Старый заброшенный гараж!

«Отлично, — пронеслось в голове у каждого, — вот нам и репетиционная база».

Так в их рядах появился новый участник.

Звали его Тео Уилкин. Этот жизнерадостный, простоватый малый раньше терзал обычную гитару, но ради общего дела безропотно переквалифицировался в басиста. Все звали его просто Тео.

Правда, Джеймс ещё очень долго мысленно именовал его исключительно «Гаражом». А заодно придумал прозвища и остальным: Болдуина он про себя величал «Иисусом», а строптивного Ланса — не иначе как «Леди».

<http://bllate.org/book/19389/1950692>